

На правах рукописи

НИГМАТУЛЛИНА ТАНЗИЛЯ АЛТАФОВНА

**МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛИЗМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность:

23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика.

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

21 НОЯ 2013

005539142

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре национальных и федеративных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Научный
консультант:

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна,
доктор политических наук, доцент

Официальные
оппоненты:

БУЯНОВ Валерий Степанович,
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; факультет национальной безопасности, кафедра внешнеэкономической деятельности, профессор

ГУБОГЛО Михаил Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Учреждение Российской академии наук «Институт этнологии и антропологии РАН», заведующий центром по изучению межнациональных отношений

Ведущая
организация:

ГЛИНСКАЯ Ирина Юрьевна,
доктор политических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов», Институт мировой экономики и бизнеса, кафедра рекламы и бизнес-коммуникаций, доцент
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»,
кафедра политологии

Защита состоится «10» декабря 2013 г. в 11 час. на заседании диссертационного совета Д 504.001.14 при ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» по адресу: 119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, уч. корпус _____, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации (1 уч. корпус).

Автореферат разослан «07» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, профессор

Л.Ф. Болтенкова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исторические, этнические и социокультурные особенности разных российских регионов создают предпосылки для субфедеральной индивидуализации жизненных траекторий молодежи в различных субъектах федерации. Попытка унификации молодежной политики без учета особенностей регионального развития ведет к снижению ее качества, к сокращению действительных возможностей для реализации молодыми людьми своего человеческого и социально-политического капитала. В условиях федеративной парадигмы российского государства необходим пересмотр аксиологических и технологических оснований региональной модели молодежной политики в сторону ее конкретизации и практической реализации.

Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, определила приоритеты, стратегические цели и задачи, отразившие новые направления молодежной политики. Федеративные трансформации, связанные с повышением самостоятельности регионов и их ответственности за реализацию государственной молодежной политики, не получили еще должного теоретического обобщения и законодательного регулирования, и потому в этом документе особое внимание уделено проблемам ее регионализации с учетом укрепления общенациональной идентичности.

19 сентября 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» отметил: «Сегодня с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым, в той или иной форме сталкиваются практически все страны, все народы: и русский, и европейские народы, и китайцы, и американцы, и общество из практически всех стран мира»¹. Процессы регионализации сопровождаются всемирной глобализацией, стиранием международных экономических границ, повышением человеческой – особенно молодежной – мобильности и активности.

С одной стороны, в условиях федеративных перемен, происходящих в современной России, повышается спрос социально-политической, экономической и нормотворческой конкурентоспособности регионов, в том числе и в сфере реализации молодежной политики. С другой стороны, регионализация молодежной политики не должна угрожать общенациональной безопасности страны, способствовать ее дроблению и порождать в российских умах ростки сепаратизма. Недопустимо и повторение в истории российского государства второго «парада суверенитетов».

¹ Выступление В.В. Путина на заседании клуба «Валдай»: стенограмма заседания // HGRU. Российская газета. – 19.09.2013. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

Реализация молодежной проблематики на субфедеральном уровне выступает в числе основных факторов, определяющих не только направления развития конкретного региона, но и всей российской государственности в целом, и характеризуется высокой остротой, научная и практическая значимость которой со временем лишь возрастает.

Вместе с тем, институционализация молодежной политики на субфедеральном уровне имеет свои специфические особенности, которые, в конечном счете, и определяют ее общегосударственный контур:

- субъекты Российской Федерации, существенно отличающиеся друг от друга по многим параметрам, становятся основными субъектами и проводниками молодежной деятельности, от политических, экономических, управленческих и организационных возможностей которых в полной мере зависит, как в нашей стране будут проходить процессы системной модернизации всех сфер жизни общества;

- субъекты Российской Федерации стратифицированы не только по политическим, экономическим, демографическим ресурсам и возможностям, но и по основаниям «Центр» – «периферия». При этом социально-политические и экономические практики молодежи, ее возможности для самореализации в провинции в значительной степени отличны от данных характеристик в Центре.

В связи с этим становится очевидным, что федерализм напрямую влияет на эффективность реализации молодежной политики в современной России. Только за последнее время в стране произошли принципиальные изменения в данной сфере: субъекты Российской Федерации были вовлечены в процесс объединения. К примеру, изменено прохождение границ между Москвой и Московской областью (это затронуло население, численность которого существенно превышает численность населения каждого из шести автономных округов, прекративших существование в результате образования новых субъектов Российской Федерации), в ходе реформы местного самоуправления созданы, преобразованы, упразднены тысячи муниципальных образований.

Отсутствие должного теоретического обобщения и законодательного регулирования молодежной политики порождает все большее число претензий населения как на федеральном, так на субфедеральном уровне. Многие насущные проблемы (трудоустройство, досуг, добровольчество молодежи и т.д.) получили программное разрешение, но обоснованность их доктринальной позиции вызывает ряд вопросов.

В сравнении с развитыми правовыми государствами рациональность установленных в Российской Федерации процедур осуществления молодежных практик невысока. Программные документы и нормативно-правовые акты в сфере молодежной политики существуют в некотором отрыве друг от друга, не составляя целостной системы; сложность этих процедур недостаточно согласована со значимостью социально-политического и фактического результата, достижимого с их помощью.

Решение названных проблем или, по крайней мере, их обстоятельная и непредвзятая оценка представляется более чем своевременной как для политической науки, так и для социально-политической практики. При этом наука, политика, управленческий аппарат и сама молодежь могут, безусловно, существовать и при отсутствии целостной концепции молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, но для повышения их качественного состояния необходимы ясные, рациональные, согласованные представления о молодежной деятельности.

В то же время актуальным является и избавление от иллюзий о «несовершенстве политики» как о первопричине отечественных молодежных, национальных, управленческих проблем. У молодежной политики, а тем более у механизмов и технологий ее осуществления, имеются вполне осязаемые пределы воздействия на реальные жизненные обстоятельства, и с этим следует считаться, не приписывая молодежной проблематике свойства панацеи и не ожидая от нее заведомо недостижимых результатов.

Таким образом, научный интерес к исследуемой теме обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, в настоящее время вне научного контура остаются особенности молодежной политики, вызванные федеративным устройством России и связанные в то же время с ее общенациональным характером. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость уточнения общетеоретических оснований политологического анализа, конкретных векторов государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, отражающих их региональную сущность.

Во-вторых, недостаточно изучены проблемы федерального и регионального взаимодействия в области молодежной политики и ее оптимизации на основе обеспечения приоритета общенационального контекста и учета регионального колорита, то есть того баланса, который гарантирует единство в многообразии.

В-третьих, по-прежнему сохраняются пробелы в федеральном и региональном законодательстве, регулирующем молодежную политику. В частности, до сих пор не принят Закон о молодежи.

В-четвертых, в современной политологической науке недостаточно изученным остается вопрос, связанный с теоретическим обоснованием федерализма на микрополитическом уровне с позиций интеграции молодежи, проживающей на одном территориальном пространстве.

Названные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Степень научной разработанности проблемы. К настоящему времени сформирована значительная база научных работ, посвященных проблемам институционализации и повышения эффективности молодежной политики в федеративной России. Многие положения этих работ могут стать отправной точкой отсчета для дальнейшего более детального и углубленного политологического анализа исследуемой проблематики. Знакомство с подобными работами позво-

ляет раскрыть различные научные позиции (популярные, взаимообусловленные, альтернативные) в сфере молодежной политики.

Все исследования, посвященные проблемам молодежной политики, с определенной долей условности и относительности, можно разделить на несколько блоков.

Первый блок. Научные работы, посвященные общей теории молодежи и культурологии, выполненные на стыке политологии, социологии и социальной работы. К ним относятся труды Л.А. Дробижевой, И.М. Ильминского, А.М. Карпенко, А.И. Ковалевой, И.С. Кона, И.А. Ламанова, В.Т. Лисовского, В.А. Лукова, В.В. Павловского, Е.И. Холостовой, С.Н. Чируна и др. Названные исследователи рассматривают общетеоретические основы молодежной деятельности, они проработали категорийно-понятийный аппарат, который был использован в данной диссертационной работе. Обращение к работам этих авторов позволяет определиться в диссертации с теоретико-методологическими основаниями молодежной политики, ее сущностью, типологизацией, функциональными характеристиками.

Второй блок образуют работы, посвященные политико-правовому регулированию молодежной политики. Они позволяют выявить правовые пробелы в сфере молодежной проблематики и проследить амплитуду изменений молодежной политики в истории российской государственности. Авторам этих трудов удалось раскрыть и обосновать правовые и исторические предпосылки институционализации молодежной политики в федеративной России, что является для настоящей диссертационной работы чрезвычайно важным и необходимым. К этому блоку можно отнести авторов: В.В. Желтова, В.В. Нехаева, И.Н. Родионова, А.И. Скулова и др.

Третий блок. Труды, в которых раскрывается зарубежный опыт институционализации молодежной политики. Этот блок представлен работами таких авторов, как: М.М. Зеленкова, Д.А. Садыкова, А.С. Сафонова и др. Зарубежный потенциал зарождения и развития молодежной политики, раскрытый в работах этих авторов, позволяет провести сравнительный анализ молодежной системы Российской Федерации с другими государствами, что также немаловажно для данного исследования, поскольку появляется возможность инкорпорировать позитивный опыт зарубежного сообщества для современных реалий России.

Четвертый блок составляют работы, в которых предметный акцент делается на региональных и этнорегиональных особенностях молодежной политики российских регионов. В этом русле – работы авторов: И.В. Глазунова, О.В. Дегтяревой, А.С. Поповой, В.А. Смирнова, С.А. Федина и др. В своем большинстве эти исследования полезны для определения эффективности молодежной политики на субфедеральном и муниципальном уровнях, а также для совершенствования ее общенациональной модели.

Особый блок представлен трудами региональных ученых и научных школ, посвященных молодежной проблематике. Почти в каждом субъекте Российской

Федерации сформированы научные школы, раскрывающие разнообразные аспекты реализации молодежной политики в федеральном центре и на местах. Так, в Республике Башкортостан разработкой отдельных вопросов, связанных с модернизацией молодежной политики, занимаются ученые Ю.Н. Никифоров, Г.А. Кабакович (политико-правовой срез), М.А. Аюпов, А.А. Вальков, В.В. Гайдук, Ю.Н. Дорожкин, Т.Г. Мухтаров, З.Я. Рахматуллина (этнонациональный, этнокультурный и федеративный срез), К.В. Храмова, А.Б. Юнусова (конфессиональный срез), Р.А. Ахметьянова, Ю.А. Кожевникова, М.Ф. Маликов, Ф.С. Файзуллин (общественно-политический аспект).

Проблемы современной молодежи в контексте российского федерализма и национальной безопасности исследуются на кафедре национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Л.Ф. Болтенкова, Г.Г. Гасанов, Л.М. Дробижева, К.В. Калинина, В.А. Михайлов, Н.П. Медведев, А.Ф. Радченко, Е.Л. Рябова, Л.О. Терновая и др.).

В последние годы также защищены кандидатские и докторские диссертации по политологии, непосредственно посвященные молодежной политике. Так, П.В. Летуновский в своем исследовании обосновал приоритетность формирования патриотических качеств молодежи. Э.В. Чекмаревым раскрыт молодежный потенциал в модернизации российской политической системы. Л.А. Рахимова рассмотрела политическую социализацию российской молодежи и определила ее роль в совершенствовании молодежной политики. А.А. Зеленин выявил механизмы реализации молодежной политики на субфедеральном уровне.

Таким образом, анализ научных трудов позволяет констатировать, что в современной отечественной науке уже сформирован серьезный исследовательский фундамент молодежной политики, имеющий важное теоретическое и практическое значение для понимания многих ее проблем.

Вместе с тем, рассмотрение политических инструментариев и технологий реализации молодежной политики в федеративной России в большинстве обозначенных работ не является приоритетным. Поэтому обозначенные аспекты носят лишь фрагментарный характер и не образуют единой логической научной конструкции. Отсюда следует, что избранная автором тема в контексте регионального направления молодежной политики в федеративной России не разрабатывалась как самостоятельное научное исследование, и это обуславливает необходимость ее системно-комплексного изучения.

Объект исследования – молодежная политика в современной Российской Федерации.

Предмет исследования – региональные особенности политических механизмов реализации молодежной политики, вызванные федеративным устройством России и обеспечивающие эффективность взаимодействия молодежи, общества и государства в условиях политической модернизации.

Гипотеза диссертационного исследования состоит в признании необходимости регионализации молодежной политики в федеративной России как неотъемлемого процесса разработки общенациональной молодежной доктрины. В современной российской федеративной системе регион выступает не только как объект реализации молодежной политики, но и как активный ее субъект, способный вырабатывать и генерировать социокультурные технологии ее модернизации с учетом субфедерального компонента. В Российской Федерации назрела необходимость и сложились реальные предпосылки пересмотра и оптимизации системы федеральных-субфедеральных отношений в сфере молодежной политики. Одна из важнейших задач современной политологии и состоит в разработке механизмов, обеспечивающих баланс федеративных отношений в государстве для эффективной реализации молодежных программ.

В условиях глобализации регион способен воспроизводить эффективные социокультурные субъекты молодежной политики, не противоречащие российскому федерализму. Такими субъектами могут выступать, в том числе, вузы и общественные организации, территориально находящиеся в конкретном регионе и определяющие его внутреннюю политику. Кроме того, на региональном уровне формируются социокультурные технологии и инструментарии, способные качественно повысить эффективность реализации молодежной политики в государстве.

Цель исследования – разработка инструментариев реализации молодежной политики на основании политологического мониторинга и анализа ее особенностей на региональном уровне в условиях федерализма и глобализма.

Достижение поставленной цели обусловлено решением следующих задач:

- проведение теоретико-методологического анализа основных научных подходов к понятиям «молодежная политика», «государственная молодежная политика», «региональная молодежная политика» и уточнение их политического содержания применительно к особенностям российской действительности;
- изучение отечественного и зарубежного опыта и динамики институционализации молодежной политики в истории российской государственности от имперской России до современности;
- выявление региональных механизмов воспроизводства молодежной политики в федеративной России;
- проведение политологического мониторинга общественно-политической активности молодежи и выявление ее элитарных предпочтений;
- раскрытие сущности, содержания, особенностей социокультурного федерализма и определение его значения и роли в реализации российской молодежной политики;
- разработка эффективной модели управления молодежной политикой в вузе;

- анализ потенциала российского добровольчества и медиации в совершенствовании молодежной политики;

- выявление приоритетных направлений межгосударственной интеграции в сфере молодежной политики в условиях глобализма.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования представлена общенаучными методами и принципами познания, применяемыми в социально-политических разработках. Исследование опирается на диалектику противопоставления и сравнения, требующей от науки рассмотрения изучаемых явлений в их развитии и связи с другими; последовательно применяются принципы системного анализа, в рамках которого объект исследования мог быть выражен как модификация целостной, сложноорганизованной политической системы.

Особенностью представленной диссертационной работы является обусловленное спецификой предмета исследования использование методологических подходов общей теории политики (сравнительно-политологический, компаративистский, эмпирико-аналитический, статистический, нормативно-ценностный, элитологический, этнополитический, метод эмпирической политологии) в комплексе с методологическими положениями таких научных направлений, как социологический подход, глобалистика, цивилизационный подход, синергетика.

Применение различных методов познания направлено на решение задач исследования: сравнительно-политологический метод позволил проследить динамику институционализации молодежной политики в истории российской государственности от имперской России до современности; этнополитический метод – выявить региональные механизмы воспроизводства молодежной политики в федеративной России; метод эмпирической политологии и социологический анализ – проследить динамику изменений общественно-политической активности молодежи и выявить ее элитарные предпочтения и т.д.

В диссертации использовались такие общенаучные методы исследования, как моделирование, обобщение, синтез, анализ и опрос. Синтез результатов научных изысканий дал возможность рассмотреть во взаимосвязи проблемы институционализации молодежной политики в контексте российского федерализма, что соответствует цели исследования.

Многоаспектность явлений и процессов, отраженных в исследовательской работе, противоречивость их интерпретирования и персонализации предопределили использование автором при их рассмотрении системно-функционального, ситуационно-ролевого и деятельностного подходов. Широко применялись инструментариин философского, социокультурного, этнологического направлений научного анализа.

Эмпирическую базу составили федеральные, региональные и местные нормативно-правовые акты и документы, фактические и статистические данные и материалы о состоянии молодежной политики в России и в ее регионах, информационно-аналитические бюллетени, программные документы и проекты

политических партий и движений, статьи из печатных СМИ, интернет-ресурсы. Также были использованы авторские труды и личный многолетний опыт научно-педагогической работы диссертанта.

Обоснованность и достоверность полученных результатов достигается применением в работе разнообразных фактологических, статистических и документальных материалов, доказывающих предложенную гипотезу; использованием авторской методики исследования, базирующейся на системно-комплексной методологии в области изучаемой проблематики; сопоставлением и научным сравнением положений, выносимых на защиту, с устоявшимися и новообразованными альтернативными теориями.

Научная новизна диссертационной работы заключается в разработке и решении важной политологической проблемы, до настоящего времени не являвшейся предметом комплексного научного изучения, а также в разработанной автором методологии исследования избранных для анализа вопросов.

Научную новизну для отечественной политологии имеют также представленные автором в диссертационном исследовании:

- политологический анализ молодежной политики как особой деятельности государства и общества, операционализация и концептуализация понятий «молодежная политика», «государственная молодежная политика», «общественная молодежная политика», «асоциальная молодежная политика», «криминальная молодежная политика»; характеристика молодежи как объекта и субъекта молодежной политики;

- выявление противоречивого характера институционализации молодежной политики на федеральном уровне, причин и факторов, в силу которых российские регионы опережают Центр в модернизации молодежной политики;

- разработка политологической категории «социокультурный федерализм», применимой к сфере молодежной политики, ее сущностное и функциональное заполнение;

- определение социокультурных направлений межгосударственной интеграции в сфере молодежной политики;

- анализ потенциала добровольчества в повышении качества реализуемой молодежной политики;

- разработка теоретико-методологических рекомендаций по концептуальному обновлению законопроекта о молодежи в Российской Федерации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Молодежная политика как система комплексной и систематической деятельности государственных и негосударственных институтов, существовала всегда, характерна любым государствам и общностям, независимо от их государственно-территориального устройства, политического режима или идеологии. Молодежная политика – это комплексная система многоуровневого взаимодействия молодежного сообщества: внутри конкретной локальной социально-политической общности; с социально-политическими ин-

- ститутами, с государственными и негосударственными субъектами ее реализации; со всем обществом и государством в целом.
2. В постсоветской России можно выделить три этапа институционализации молодежной политики. Первый этап связан с разработкой институционально-правовой базы молодежной политики федеральными органами государственной власти (инициатива принадлежала федеральному Центру). Второй этап ознаменован деятельностью региональных органов государственной власти в сфере внедрения федеральных инициатив. Третий этап связан с разработкой федеральным Центром стратегии и тактики реализации молодежных проектов и их корректировкой и адаптацией на региональных уровнях.
 3. Процесс институционализации региональной модели молодежной политики тормозит отсутствие на общенациональном уровне федерального закона о молодежи и федерального закона о воспитательной деятельности. В основу взаимодействия федерального Центра и российских регионов в сфере реализации молодежной политики должен быть положен принцип субсидиарности, согласно которому Центр определяет лишь общий контур социально-политического и национально-культурного развития молодежного сообщества. Выбор инструментариев практической реализации должен стать прерогативой региона в соответствии с возможностями его ресурсной базы.
 4. Социокультурный федерализм является национально-политическим контекстом, позволяющим различным социально-политическим группам или социально-политическим институтам интегрироваться в единую полиэтническую материю на основе неконфликтного разделительно-объединительного сосуществования. Учитывая, что федерализм консолидирует общество по различным региональным основаниям, необходимо использовать его потенциал для совершенствования молодежной политики, прежде всего, в рамках концепции межкультурного и межэтнического взаимодействия.
 5. Социокультурный федерализм в сфере молодежной политики базируется на трех основных принципах: добровольчества, инновационно-образовательного традиционализма, взаимной интеграции, необходимых для становления молодежи как ответственного субъекта молодежной политики. Качественное социокультурное преобразование происходит через систематическое приобщение к общественно-полезной деятельности (добровольчество), традиционное воспитание и инновационное образование молодежи в духе общефедеральной парадигмы с учетом ее региональных особенностей (инновационный традиционализм) и возможность мобильно интегрировать с представителями молодежных сообществ других этнических и национальных общностей (интеграция в условиях глобализации).
 6. Институт добровольчества является одним из приоритетных проектов социокультурного обогащения современной молодежной политики, направленный не только на укрепление и оздоровление российской молодежи, но

и позитивно влияющий на упрочение межэтнических и межнациональных контактов и диалогов. Данное движение предлагает новые формы социализации студентов, вовлечения молодых людей в процессы организации важнейших мероприятий страны. Эта деятельность дает положительный эффект в получении практического опыта, творческой реализации, мотивирует молодежь к овладению устойчивыми навыками общения, получению новых видов профессиональных знаний.

7. Детский парламентаризм в России еще не получил должного развития, тогда как дети являются потенциальными субъектами молодежной политики. В обществе сохраняется отношение к детям, предопределенное ходом исторического развития российской государственности и сложившимися патриархальными устоями. Кроме того, отсутствует прецедент детского представительства в общественно-политической сфере. Необходимо формирование политической культуры через призму гражданского общества, когда дети воспринимаются как самостоятельная активная сила, обладающая большим интеллектуальным и творческим потенциалом. Становление детских парламентских организаций, без сомнения, позитивно скажется на общем состоянии российской молодежной политики.
8. В условиях глобализации в многонациональной и поликонфессиональной России усиливаются миграционные процессы, что неизбежно влечет за собой социальную напряженность, в том числе в молодежной среде. Это требует выработки определенных технологий, способствующих разрешению социальных, трудовых, межэтнических, межконфессиональных, гендерных и иных конфликтов. Для достижения урегулирования споров, ориентированных на устранение противоречий между сторонами на основе диспозитивности (инициативы сторон), как вне государственной судебной системы, так и внутри нее могут успешно использоваться примирительные технологии.
9. Инновационным социокультурным субъектом реализации молодежной политики в рамках Евразийского Союза явится Евразийский молодежный парламент, который позволит не только учитывать опыт евразийских стран в исследуемой проблематике, но и даст возможность раскрыть многогранность федеративной России на международной арене.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что ее автором внесен определенный вклад в обновление и обогащение содержания молодежной политики на федеральном, субфедеральном и муниципальном уровнях, способствующий дальнейшему развитию институтов публичной власти и гражданского общества в условиях федеративного государства.

Полученные результаты стали определенным вкладом в научную разработку проблем политической науки, могут быть полезными для оптимизации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и разра-

ботки нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу молодежной деятельности, и использоваться для дальнейшего научного анализа как теоретических основ, так и практики федеративного строительства в России.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании таких дисциплин, как «Политология», «Современная российская политика», «Политический менеджмент», «Этнополитика», «Политическая регионалистика», а также в научно-исследовательских проектах политологического направления. Выводы и рекомендации способствуют более полному и глубокому пониманию конкретных проявлений и тенденций трансформации молодежной политики в России и ее регионах.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на кафедре национальных и федеративных отношений ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Предварительная разработка темы и отдельных положений диссертации была проведена при подготовке автором научных монографий: «Государственная молодежная политика в федеративной России: инновационная парадигма» (Уфа: РИО БИСТ, 2012. – 10,02 п.л.), «Социально-политические технологии возрождения семьи в современных условиях: этнонациональный срез» (М.: Этносоциум, 2013. – 8,6 п.л.), «Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект» (М.: NOTA BENE, 2013. 14,99 п.л.).

Результаты диссертационного исследования используются:

- в международной деятельности в рамках Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений», созданного на основании решения международного Центра ЮНЕВОК (г.Бонн, Германия, март 2012 г.);

- в рамках Экспериментальной площадки Федерального института развития образования по теме: «Социокультурная модернизация образовательного и информационно-коммуникационного пространства Республики Башкортостан»;

- в работе структур, созданных на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений»: Детской общественной правовой палаты Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО, Ресурсного научно-образовательного центра ЮНЕСКО Республики Башкортостан, Академии успешного лидерства, Агентства примирительных технологий, Юридической клиники «Социальная правозащита»;

- в процессе учебной, учебно-методической, научно-исследовательской и информационно-аналитической деятельности Башкирского института социаль-

ных технологий (филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений».

При непосредственном участии автора были проведены социологические научные исследования:

- «Престиж рабочего человека в мегаполисе» (опрошено 600 респондентов – жителей Городского округа г. Уфа Республики Башкортостан, апрель, 2010 г.; октябрь, 2012 г.);

- «Качество социальной инфраструктуры г.Уфы» – в рамках партийного проекта «Управдом», реализуемого Всероссийской политической партией «Единая Россия» (опрошено 825 респондентов – собственников жилья в многоквартирных домах Городского округа г. Уфа Республики Башкортостан, март, 2011 г.);

- «Взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества» (опрошено 400 экспертов на территории Республики Башкортостан, март, 2012 г.);

- «Современные региональные элиты» (опрошено 430 экспертов на территории Республики Башкортостан, апрель, 2013 г.);

- «Технология правосознания – через добровольчество молодых» – в период проведения Универсиады в г.Казани 2013 г. (опрошено 300 респондентов-волонтеров в г.Казани, июнь – июль, 2013 г.);

а также в докладах и выступлениях диссертанта на международных, всероссийских, республиканских научных и научно-практических конференциях, конгрессах, круглых столах и семинарах.

Также автором была инициирована разработка социально ориентированных сайтов: «Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова» (<http://www.aksakov.info>), Родители и дети: приемная семья (<http://deti.ufabist.ru>).

По результатам научных и практических разработок автор награжден нагрудным знаком «Почетный работник сферы молодежной политики Российской Федерации» (2006 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы, содержащего более 300 названий.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, описаны методологическая, теоретическая и эмпирическая основы диссертации, раскрыта научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту, дана характеристика теоретического и практического значения работы, приведены сведения об апробации полученных результатов и ее структуре.

В **первой главе** – «Теоретико-методологическое обоснование молодежной политики в региональном и политико-правовом измерении» –

диссертантом раскрываются: молодежная политика как политологическая категория (§ 1.1), социокультурные основания молодежной политики (§1.2), молодежная политика в зарубежных государствах (§1.3).

В современной науке отсутствует универсальное определение понятия «молодежная политика». Как правило, основные концепции молодежной политики базируются на двух стратегиях, различающихся степенью участия государства и неправительственных институтов в регулировании молодежного вопроса: государство принимает на себя ведущую роль, либо разделяет ответственность с институтами гражданского общества, либо уступает первостепенную роль негосударственным институтам.

Мы полагаем, что молодежная политика, как система комплексной и систематической деятельности государственных и негосударственных институтов, существовала всегда, характерна для любых государств и общностей, независимо от их государственно-территориального устройства, политического режима или идеологии. Безусловно, в государстве, например, с тоталитарным политическим режимом, где степень развитости институтов гражданского общества минимизирована, молодежная политика носит директивно-регулирующий характер, преобладающий над общественными институтами.

С нашей точки зрения, молодежная политика – это комплексная система многоуровневого взаимодействия молодежного сообщества: внутри конкретной локальной социально-политической общности; с социально-политическими институтами, с государственными и негосударственными субъектами ее реализации; со всем обществом и государством в целом. Выделяют государственную и негосударственную молодежную политику.

В диссертационной работе предлагаются авторские определения следующих понятий.

Государственная молодежная политика – это приоритетная отрасль национальной политики, учитывающая особенности регионов, деятельность органов государственной власти и управления по разработке и реализации концепций, доктринальных направлений политики в молодежной сфере с помощью политических, социально-экономических, социокультурных, организационных мер для обеспечения и защиты прав и интересов молодежи.

Негосударственная молодежная политика есть процесс и результат взаимодействия молодого поколения с общественными и общественно-политическими организациями и движениями. Современные реалии свидетельствуют: молодежь активно используется в деструктивных социально-политических практиках, и потому нами вводится понятие асоциальной молодежной политики.

Под асоциальной молодежной политикой понимаются общественные отношения, цели и задачи которых противоречат нормам и канонам, общепринятым в обществе. Субъектами асоциальной молодежной политики являются экстремистские секты, криминально-теневые группировки.

На наш взгляд, для выработки стратегии современной молодежной политики в полиэтнических федерациях, где проживает множество этнических общностей, необходимо проведение детального анализа ее платформы – историко-культурных, национально-культурных, этнорегиональных условий, способствующих обеспечению молодежью возможности реализации своих прав на местах. Научная разработка проблем молодежи как на федеральном, так и региональном уровнях пока еще заметно отстает от реальной политической ситуации, национально-культурной практики и глобальных вызовов современности.

Спецификой российской государственности, с одной стороны, является сохранность историко-генетических оснований, закрепленных в народном сознании и необходимых для институционализации гражданского общества. С другой – отказ от традиционной парадигмы социально-политического патернализма. Таким образом, государство пытается реализовать молодежную политику, прежде всего, посредством негосударственных общественных структур, лояльных политической власти. В то же время особенностью российского государства является национально-культурное и этнорегиональное разнообразие в условиях федеративного строительства, что, по нашему мнению, является особо приоритетным и важным в выработке и совершенствовании современной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях.

Следует отметить, что ядром социокультурной парадигмы выступают национальные (этнонациональные) общности и национально-культурные ценности.

На сегодняшний момент в науке сложилось три основных подхода к пониманию этнического и национального измерения общества: примордиализм (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев), конструктивизм (Б. Андерсон, П. Бурдьё, Э. Геллнер), инструментализм (П.У. Бриджмен, Д. Дью).

В диссертационной работе мы придерживаемся универсального подхода к пониманию этничности и нации. Нами не оспариваются объективность происхождения этносов и субъективные причины их оформления.

Применительно к Российской Федерации, по нашему мнению, с цивилизационной позиции следует признать, что существует лишь единая российская нация. Общности же, образующие ее (русские, татары, башкиры, чувашы, чеченцы и т.д.), – это общности этнические. Другими словами, нация – это политическое, государственное оформление всей совокупности этносов, проживающих на территории государства. И только подобное понимание этничности и нации позволяет наиболее полно отобразить полиэтническую сущность российской нации, не угрожая ее целостности и национальной безопасности.

Ценности в политическом понимании существуют не изолированно, а в совокупности – в рамках единого культурно-исторического контекста. Иначе они будут являть собой не ценности, а набор отвлеченных элементарных понятий с неопределенной, нечеткой интерпретацией: патриотизм, героизм, традиционализм, гуманизм и т.д. Чтобы набор таких энциклопедических понятий стал действительно эффективно работающим, необходима выработка механизмов, спо-

собных установить их взаимное соотношение и понимание – над всеми представленными культурно-кодовыми понятиями, образующими идентичность российской нации в многополярном мире.

В современных реалиях формулировка «вечные ценности» звучит патетически и нередко подвергается определенному скепсису. В литературе она подменяется более приемлемым глобалистским понятием – «базовые ценности», которое, естественно, в зависимости от определенной конъюнктуры приоритетов способно многократно меняться, выстраиваясь в некой социально-политической иерархии, в том числе экспортируемой из-за рубежа. Формирование базовых ценностей молодежи наиболее актуально в России. Оно стимулируется путем реализации образовательной и молодежной политики с обозначением баланса в пользу национальных приоритетов – здоровье, доступное жилье, крепкая семья, финансовая стабильность, материальные блага, защищенность, высокооплачиваемая работа, надежные друзья, мобильность, преданность Родине.

Особую роль в контексте эволюции поликультурного общества, в рамках которого перед личностью неизбежно встает проблема самоопределения по отношению к себе, этносу, обществу, государству, миру, приобретает патриотическое воспитание. Вместе с тем, для конструктивного самоопределения молодежи важно формирование у молодых людей социальных чувств и качеств, которые позволяют им осознавать свое место в быстроменяющемся поликультурном мире. Патриотизм в данном контексте следует рассматривать как одну из наиболее значимых социально-культурных ценностей, без которых молодой человек теряет важные для его духовного становления социальные ориентиры.

Демографические преобразования 90-х годов прошлого столетия противоречили социалистическим устоям. Консервация молодежной политики, невозможность преодолеть бюрократизм ее организаторов-трансляторов, потеря авторитета Коммунистической партии и комсомола привели к концу целой эпохи советского уклада.

После советского периода с крахом принудительной идеологии в России был допущен резкий крен в противоположную сторону – к полной идейной растерянности, смысловой неопределенности будущего молодежи, переходу к абстрактному набору «базовых» ценностей. При всем неприятии к любому навязанному политическому воздействию опытных политехнологов общество постепенно приходит к выводу, что в условиях федеративного устройства государства должна быть объединяющая идея, ценностные установки, идеалы, способные усилить жизнеспособность российской нации в условиях нарастающего глобализма и его последствий.

Процессы глобализации создают угрозу национальной самобытности, культурно-цивилизационному многообразию мира, свободе личности, вызывают напряженность в межкультурных отношениях. Вместе с тем, они способны расширить горизонты для взаимной информационной коммуникации, сближения культур, их диалога.

Резкое отчуждение от устоявшегося образа жизни без освоения лучшего достояния мировой культуры приводит к цивилизационному конфликту – разрыванию жизненных перспектив молодежи и подмене исконных духовных ценностей эрзацами западной псевдокультуры.

В этом контексте одна из уязвимых и деликатных сфер отношений в молодежной среде – выстраивание взаимоотношений между различными этноконфессиональными группами. Молодежь чаще предпочитает идти на межэтнический конфликт, нежели вступить в диалог с представителем другого этноса. Поэтому в условиях активной миграции имеет место экстремизм, рост агрессивности по отношению к представителям иных молодежных сообществ. Подтверждением этому являются конфликты между представителями студенческой молодежи – нередко на национальной почве, столкновения между фанатами спортивных клубов, негативное отношение к мигрантам, зарабатывающим в России в тех экономических нишах, в которых коренные жители сами не стремятся проявить себя. На этом основании можно уверенно говорить о том, что формирование культуры межэтнических и межконфессиональных отношений у молодежи – важнейшая социокультурная составляющая ценностной ориентации общества в Российской Федерации.

Происходящий естественным образом цивилизационный конфликт поколений можно смягчить или даже в определенной степени нейтрализовать через поиск и достижение оптимального баланса между традиционным и инновационным, когда создаются благоприятные условия для образовательного, научного, творческого прогресса молодого поколения на богатой историко-культурной почве, являющей собой предмет национальной гордости россиян. Преемственность поколений испокон веков занимает ведущее место в формировании менталитета людей, населяющих ее геополитическое и социально-культурное пространство. Однако в эпохи бурных исторических потрясений, сопровождающихся трансформацией общественного сознания, структуры ценностных ориентаций оказываются подверженными видоизменениям либо их полной подменой. Нивелирование традиционных устоев жизни, подрыв духовного авторитета конфессий, органично вписывавшихся в образ жизни народов целые столетия, – христианства и ислама, стагнационные процессы в экономике приводят к нарушению естественноисторического процесса наследования молодыми поколениями социокультурного и духовно-нравственного богатства нашей страны.

В то же время в современных условиях допустимо синтезирование азиатских, европейских и отечественных направлений по формированию целенаправленной государственной молодежной политики, но только с учетом специфики российского образа жизни и традиций. Российская Федерация находится не просто на стыке Европы и Азии, как обычно принято говорить, но и занимает достаточно большую территорию обеих частей света, по сути, символизируя политический принцип «единство в многообразии».

Во второй главе – «Ретроспективный анализ молодежной политики в России» – диссертантом исследованы: молодежная политика в Российской империи (§ 2.1) и молодежная политика в Советском Союзе (§ 2.2).

В Российской империи, не знавшей такого термина, как «молодежная политика», и регулирующей воспитание и образование «юношества различных сословий», основным направлением молодежного управления было возвращение интеллектуального, образовательного, духовно-культурного, военного потенциала для Родины, а проводниками молодежной организации являлись учебные заведения самых различных типов – кадетские корпуса, юнкерские училища, классические гимназии, реальные училища, земские школы, учительские институты, пансионы благородных девиц, женские курсы, скаутские отряды, университеты, духовные семинарии и медресе.

В дореволюционной России институционализации молодежной политики не происходит. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, государство не преследовало цели создать реальные институты молодежной политики, так как было обеспокоено ростом протестных настроений, и проводило в соответствии с этим радикальную политику. Во-вторых, отсутствие институционализации молодежной политики объясняется радикальностью самого молодежного сообщества, не способного к конструктивному диалогу с властью.

Молодежную политику в Советском Союзе можно охарактеризовать как партийно-государственную, поскольку все молодежные проекты принимались и реализовывались единой партийно-государственной машиной. Непосредственное влияние Коммунистическая партия оказывала на молодежь через ВЛКСМ, который выполнял функции «помощника», «кадрового резервиста» партии и представлял собой важнейшую подсистему государства. Структурными элементами ВЛКСМ выступали первичные комсомольские организации. Структурная вертикаль ВЛКСМ позволяла не только мобильно решать молодежные проблемы, но и быть в центре их внимания. ВЛКСМ был и организационно, и финансово независим, обладал реальным правом законодательных инициатив. Правовой статус ВЛКСМ определялся его Уставом и Конституцией Советского Союза.

Проведение единой системной государственной молодежной политики осложнялось самой идеологической платформой советского общества. В марксистско-ленинской идеологии молодежь рассматривалась как специфическая социально-демографическая группа с неоднородностью социально-политических воззрений, в которой в полной мере отражался классовый подход деления общества. Лишь в 1991 году впервые был принят концептуально оформленный нормативный правовой акт в сфере молодежной политики – Закон Советского Союза «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». С принятием этого нормативного правового

акта молодежная политика начинает пониматься как консолидирующая деятельность государства в молодежной сфере с привлечением к ней негосударственных организаций. Основным принципом данного закона стало правовое закрепление механизма его целостной реализации. Однако этот закон просуществовал недолго и утратил свою юридическую силу с распадом Советского Союза. Безусловно, разработка и принятие данного закона сыграли определенную положительную роль, заложив первые ориентиры для совершенствования государственной молодежной политики, основанной на новых демократических парадигмах всей политической системы.

Анализ институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации был бы неполон без выявления специфических особенностей ее развития. Во-первых, в истории советской государственности основная работа с молодежным сектором проводилась посредством идеологических и воспитательных приемов и молодежная политика не была выделена в отдельную институциональную социально-политическую сферу. В этой связи возникновение понятия «молодежная политика» научное сообщество связывает с формированием новой политической системы. Во-вторых, согласно российскому законодательству к молодежи относятся люди в возрасте от 14 до 30 лет. Возрастная характеристика, которая на сегодняшний момент является единственным критерием персонализации молодежи, едва ли способна отобразить всю гамму молодежного многообразия. В-третьих, основным инструментарием реализации российской молодежной политики является информированность об имеющихся возможностях раскрытия молодежного потенциала. Эффективность государственной молодежной политики достигается комплексным решением взаимообусловленных задач воспитательного, социально-политического, правового и экономического характера. Их решение способствует достижению основной цели государственной молодежной политики, а именно – созданию необходимых условий для благоприятной реализации и самореализации молодежных инициатив и удовлетворения потребностей и ожиданий молодежи.

Особенностью молодежной политики позднесоветского времени является и то, что в период краха коммунистической идеологии возникают массовые молодежные общественные движения, которые в своем большинстве носят оппозиционный, протестный характер. В 80-е гг. XX века в Советском Союзе возникают такие понятия, как «неформал» и «неформальные организации».

Молодежные неформальные организации – новые зарождающиеся молодежные субкультуры в СССР – стремились к реализации двух начал: повышения независимости молодых людей от старшего поколения и возможности самореализоваться в условиях меняющейся реальности. Причины возникновения молодежных структур могли быть различными. Это и индивидуализация конкретной личности, возникновение чувства абсолютной

свободы, отсутствие активной досуговой деятельности молодежи, чрезмерное заимствование западных трендов, воздействие на молодежное сознание криминально-преступных или религиозных сект.

В идеале неформальные молодежные организации должны способствовать формированию в обществе институтов гражданского общества, повышению общественно-политической активности молодежи, обеспечивать общественный контроль над деятельностью органов государственной и местной власти. На практике неформальные молодежные организации усилили конфликтность в обществе и привели к социальной розни, междоусобицам и государственно-гражданским неповиновениям. Вместе с тем, для нас очевидно, что невозможно демократическое развитие государства без институционализации альтернативных молодежных структур. Возникновение в СССР первых неформальных молодежных структур сыграло позитивную роль в дальнейшей институционализации молодежной политики и молодежных организаций в России, одновременно способствуя формированию в стране протестной культуры и альтернативных концепций и подходов к молодежной проблематике.

В третьей главе – «Молодежная политика в Российской Федерации» – раскрываются этапы институционализации молодежной политики постсоветского периода (§ 3.1) и анализируется процесс регионализации молодежной политики (§ 3.2).

Оптимальным представляется выделение трех этапов институционализации молодежной политики в постсоветский России.

Первый этап связан с разработкой институционально-правовой базы молодежной политики федеральными органами государственной власти (инициатива принадлежала федеральному Центру). Данный период характеризуется кризисом легитимности и фрагментацией политической системы. В этот период были разработаны и приняты основные нормативные правовые акты, определяющие вектор развития государственной молодежной политики: Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (1991 год); Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (1992 год); Постановление Верховного Совета РФ «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 год); Федеральный закон «О государственной поддержке детских и молодежных объединений в Российской Федерации» (1995 год).

Второй этап институционализации государственной молодежной политики в Российской Федерации озаглавлен деятельностью региональных органов государственной власти в сфере внедрения федеральных инициатив. Этот этап проходил особенно противоречиво. С одной стороны, отдельные субъекты Российской Федерации занимались разработкой и внедрением нормативно-правовой базы молодежной политики еще до принятия общефедеральных нормативно-правовых инициатив. С другой стороны, некоторые российские

регионы искусственно внедрили уже готовые федеральные проекты в области молодежной политики (без учета регионального колорита) в собственную региональную политическую материю. На наш взгляд, оба варианта сказались негативно на формировании универсальной общероссийской модели молодежной политики. Представляется, что не стоило в противовес Центру регионам параллельно заниматься разработкой собственной модели молодежной политики. Как и не стоило искусственно внедрять уже готовые федеральные инициативы в региональную молодежную политику без учета собственных субфедеральных особенностей. И – как результат – нарушился некий общий алгоритм институционализации государственной молодежной политики, выраженный в принципе «от общего к частному», что несколько затормаживало разработку общих универсалий внутриполитического молодежного регулирования.

Третий этап институционализации государственной молодежной политики в федеративной России связан с разработкой федеральным Центром стратегии и тактики реализации молодежных проектов и их корректировкой и адаптацией на региональных уровнях. Данный этап характеризуется необходимостью укрепления вертикали власти в переходный период и диалогизации процесса взаимодействия федеральной и региональной власти с молодежью. В период строительства институтов гражданского общества была разработана и принята Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, (утвержденная Постановлением Правительства от 18 декабря 2006 г.). Она явилась, по сути, первым с начала 90-х годов прошлого века государственным актом федерального уровня в сфере молодежной политики (после Постановления Верховного Совета РФ 1993 года). Данная Стратегия была разработана на период до 2016 года и определяла приоритетные направления, включающие задачи, связанные с участием молодежи в реализации приоритетных национальных проектов.

Субфедеральный аспект исследования обусловлен объективными причинами реформизации и институционализации не столько самой молодежной политики на местах, сколько самими политическими и социально-экономическими трансформациями, протекающими в российских регионах.

Стоит отметить, что реализация региональной политики в сфере молодежной деятельности в отличие от ее «федерального контура» характеризуется, прежде всего, конкретизацией методов и форм ее практического воплощения. В федеративных государствах такое возможно, когда его субъекты принимают более активное участие в реализации концепций молодежной направленности, нежели Центр. Что касается России, этот процесс был связан в первую очередь с «парадом суверенитетов» и накоплением политических противоречий в Центре, что естественным образом способствовало консолидации проектных инициатив на субфедеральном уровне. Более того, не противоречит федеративным канонам государственности и сама

возможность решения молодежных проблем на местах, с дальнейшим применением и преемственностью полезного опыта другими регионами или Федерацией в целом.

При этом общенациональная государственная молодежная политика в Российской Федерации имеет присущие ей особенности.

С одной стороны, общенациональная молодежная политика представляет собой сложно структурированную, иерархически организованную систему, включающую в себя нормативно-правовые, материально-технические, административно-управленческие элементы.

С другой стороны, противоречивость и фрагментарность нормативно-правовой базы молодежной политики, отсутствие конкретных детализированных мер и источников ее реализации, бессистемное и постоянное реформирование властных институтов в сфере молодежной проблематики, недостаток ее профессионально-кадрового обновления, в конечном счете, определяют слабые стороны современной общенациональной молодежной политики в стране.

Сложившаяся тенденция регионального регулирования политики в сфере молодежной проблематики объективно исходит из социально-политических, экономических, правовых и культурных возможностей конкретного субъекта Российской Федерации.

Очевидно, что усиление субфедеральных практик реализации молодежной проблематики в целом носит объективный характер. Хотя бы потому, что перед региональными органами государственной власти стоят реальные задачи решать социально-экономические, социокультурные, политические проблемы молодежного сообщества, которые на сегодняшний момент только обострились.

В зависимости от социально-политических, социокультурных и экономических возможностей субъекты Российской Федерации вырабатывают механизмы реализации молодежной политики:

- принимаются региональные нормативно-правовые акты;
- создаются региональные и муниципальные структуры по работе с молодежью;
- осуществляется региональное финансирование молодежной деятельности;
- проводятся аналитические мониторинги эффективности реализации молодежной политики на субфедеральном уровне;
- проводятся научные, социокультурные и общественно-политические мероприятия, посвященные молодежной тематике;
- формируется ресурсная база обеспечения реализации молодежной политики (организуется информационное, материально-техническое и методическое сопровождение политики в сфере реализации молодежных интересов);
- формируется кадровая база обеспечения реализации молодежной политики.

В то же время процесс институционализации молодежной политики на субфедеральном уровне сопровождается трудностями, вызванными противоречивостью этого процесса не только на общенациональном, но и на собственно региональном уровнях.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что проектирование государственной молодежной политики на субфедеральном уровне проводится по федеральным шаблонам и разработкам. При этом объективные (кадровая обеспеченность, материально-техническое сопровождение, развитость инфраструктуры и т.д.) и субъективные (профессиональные качества специалистов по молодежной проблематике, уровень общественно-политической активности и пассивности, политической и правовой культуры молодежи) ресурсы ее реального проектирования сосредоточены в рамках отдельного субъекта Федерации.

Интересным с научной точки зрения является анализ изменений, происходящих в органах управления молодежной политикой на федеральном и субфедеральном уровнях Российской Федерации.

Институционализация и функционирование самостоятельных федеральных органов управления молодежной политикой влечет за собой возникновение самостоятельных структур в сфере молодежной политики и в российских регионах. Это, в конечном счете, позитивно сказывается на успешной реализации многих целевых и концептуальных проектов на местах и позволяет характеризовать работу органов государственной власти в решении молодежных проблем как целостную и эффективную деятельность.

И наоборот. Ликвидация самостоятельной федеральной структуры в сфере молодежной политики приводит к реорганизации региональных комитетов на субфедеральном уровне. Неопределенность в данном вопросе приводит к снижению и ослаблению горизонтальных и вертикальных контактов и усугублению молодежных проблем.

Одним из ключевых вопросов, тормозящих процесс институционализации молодежной политики в федеративной России, является объектное понимание молодежного сообщества органами государственной власти и даже институтами гражданского общества, в то время как в должной мере не учитываются государственными и гражданскими институтами социально-политические и психологические особенности неоднородного молодежного сообщества.

Совершенно очевидно, что чрезмерная универсализация и централизация молодежной политики без учета ее субфедеральных (этнорегиональных, этнонациональных, этнокультурных) особенностей приводит лишь к воспроизводству деструктивных, разрушительно-регрессивных практик в молодежной сфере.

На наш взгляд, современные механизмы регулирования протестного поведения молодежи нельзя назвать эффективными. Нами предлагаются перспективные направления ее качественного обновления:

– необходимо признать за молодежь право быть носителем протестной культуры. Однако протестное поведение должно быть конструктивным и не противоречить нормам российского законодательства;

– эффективным явится создание несудебной инстанции регулирования отношений и конфликтов в сфере протестной деятельности;

– действенность регулирования протестной деятельности молодежи зависит от системной модернизации самой государственной молодежной политики в сторону ее регионализации.

Социально-политическая и социокультурная деструкция в молодежной среде активизирует на субфедеральном уровне разработку специальных программ работы с молодежью, проживающей на конкретной социокультурной территории.

Современная государственная молодежная политика на субфедеральном уровне, ориентируясь на общенациональные, общегосударственные установки и программы, должна создавать собственные формы партнерского взаимодействия с молодежным сообществом, учитывать ее роль и значение в социокультурном, социально-политическом развитии региона.

На наш взгляд, следует выделять следующие принципы институционализации региональных моделей молодежной политики в федеративной России:

– федеральный вектор и общенациональная приоритетность молодежной политики в государстве (общий принцип);

– региональные особенности реализации молодежной политики на субфедеральном уровне (частный принцип).

В диссертационной работе предлагается ряд концептуально значимых рекомендаций, которые необходимо учитывать при институционализации региональной модели молодежной политики.

Во-первых, как уже говорилось, на общенациональном уровне требуется скорейшая разработка и принятие федерального закона о молодежи. Этот закон должен стать фундаментом современной молодежной политики на всех уровнях государственности.

Во-вторых, несмотря на то, что с 1 сентября 2013 года вступил в силу Закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ), вопросы воспитания в нем затронуты лишь в общих чертах. В связи с этим считаем необходимым принятие федерального закона о воспитательной деятельности, четко прописывающего механизмы ее реализации в молодежной среде.

В-третьих, взаимодействие федерального Центра и российских регионов в сфере реализации молодежной политики должно осуществляться на основе принципа субсидиарности. Центр определяет лишь общий контур социально-политического и социокультурного развития молодежного сообщества. Выбор инструментариев ее практической реализации должен определяться регионом самостоятельно, в соответствии с возможностями его ресурсной базы.

Целесообразным в рамках данного исследования также видится выделение нескольких системных инструментариев реализации региональной модели молодежной политики.

В главе четвертой – «Механизм реализации региональной модели молодежной политики» – анализируются конкретные виды инструментариев проведения региональной молодежной политики (§ 4.1) и роль политических партий в формировании региональной молодежной политики (§ 4.2).

В современных условиях Российской Федерации необходим новый законодательный акт о молодежи, который отвечал бы глобализационным вызовам. Дискуссии по поводу нового федерального закона о государственной молодежной политике ведутся уже в течение нескольких лет на разных площадках, в том числе в научной среде, но до сих пор не ясно, в какие сроки он будет принят. Нормативно-правовое поле на федеральном уровне не позволяет эффективно решать задачи управления молодежной сферой и в должной мере не определяет функции федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов и муниципальных органов по работе с молодежью. При этом реализация в субъектах Российской Федерации государственной молодежной политики значительно опережает этот процесс на федеральном уровне как по глубине решения проблем, так и разнообразию форм и методов.

Суть ресурсного инструментария заключается в следующем. Современной молодежи отводится ключевая роль субъекта – ресурса модернизационного и качественного обновления как региона, так и страны в целом. В связи с этим необходимо повысить сознательную общественно-политическую активность молодежи через их включенность в социально-политическую практику; выявить деструктивные основания молодежного протестного поведения, а также определиться с элитарными предпочтениями современной молодежи посредством политологических и социологических исследований.

Задача законодательного инструментария определяется тем, что для совершенствования нормативно-правой базы молодежной политики необходимо пересмотреть функции муниципалитетов в сфере молодежной деятельности (органы местного самоуправления должны выступать не только в роли «носителей» молодежных концепций, но и сами принимать активное участие в их разработке); создание на субфедеральном уровне и на уровне муниципалитетов специализированных социально-политических служб, которые выявляли бы, организационно структурировали и помогали осуществлять молодежные инициативы.

Программно-приоритетный инструментарий используется при реализации концептуальных положений молодежной политики на субфедеральном уровне, где необходимо использование адресного подхода. Его суть заключается в смещении акцентов с реализации общегосударственных программ, носящих универсальный характер, к более предметным, разработанным с учетом конкретных проблем молодежи в регионе.

Практический инструментарий связан с тем, что первичным агентом общественно-политической социализации молодых людей должен выступать высококвалифицированный, компетентный специалист по работе с молодежью. Для этого необходимо совместно с высшими учебными заведениями субъекта Федерации формирование центров подготовки и повышения квалификации кадров в сфере молодежной политики; создание тренинговых команд, специализирующихся на повышении социально-политической и творческой активности молодежи; проведение специализированных научно-практических семинаров и конференций для руководителей молодежных структур и учебных заведений.

Политический мониторинг общественной активности молодежи показал следующее. Современная молодежь по уровню общественной активности подразделяется на три группы.

Первая группа – наиболее общественно активная – обладает активной жизненной позицией, интересуется политикой, имеет свое мнение по поводу происходящих в стране перемен и роли молодежи в политической жизни страны.

Вторая группа молодежи отрицательно настроена к происходящим в стране переменам. Хотя эта группа молодежи имеет активную гражданскую позицию, состоит в различных организациях и объединениях, участвует в творческих, научных и социальных проектах, тем не менее, она склонна к протестной активности.

Третья группа молодежи является наиболее пассивной с точки зрения гражданской и политической активности. К данной группе относятся мало информированные и менее подготовленные к жизни молодые граждане. Они практически не участвуют ни в каких проектах, не состоят в организациях и объединениях, проявляют пассивность в отстаивании своих прав, не знают, где и как приложить свои знания и силы.

В целом политическая активность современной молодежи сравнительно невысокая. Лишь 6% респондентов состоят в различных партиях и общественно-политических движениях. Хотя молодежь отчасти интересуется политикой, тем не менее, она лишь «факультативно» участвует в политических событиях.

Молодежные политические организации подразделяются на два блока. Первый блок объединяет молодежные организации, решающие современные проблемы посредством организации и проведения уличных политических процессов, активными участниками которых, как правило, являются молодые люди. Второй блок решает задачи системного характера – по включению молодежи в различные сферы жизнедеятельности, например, в органы студенческого самоуправления вузов, в молодежные парламенты и т.д. Важной формой общественной и политической активности молодежи является развитие молодежного парламентаризма. Данный феномен расширяет границы участия молодого поколения в законотворческой деятельности, способствует

взаимодействию с законодательной властью и обуславливает развитие практики принятия политических решений. Молодежный парламентаризм, несмотря на довольно широкое распространение в субъектах Российской Федерации, еще не обрел своего реального юридического статуса, хотя его роль в решении таких молодежных задач, как трудоустройство, образование, приобретение управленческих и организаторских навыков, неоспорима.

Анализ документов парламентских политических партий позволяет сделать вывод о том, что в основе механизма молодежной политики лежат различные способы включения и вовлечения молодых людей в политический процесс и политику в целом. Заметим, что руководство политических партий, как оформившиеся организации, изначально предлагают наличие определенной ниши молодым людям в деятельности своих организаций. Как следствие этого – возможности молодежи как активного субъекта политики ограничиваются функционирующими идеологами политических партий.

Для «вовлечения» молодых людей в работу и деятельность партий необходима соответствующая стратегия в программах политической партии, которая вызывала бы интерес молодежи. В связи с этим в партийных документах вышеназванных партий, направленных на регулирование деятельности в сфере молодежной политики, можно выделить два уровня ее реализации – стратегический и тактический.

Несмотря на то, что большое значение имеет стратегический уровень, в программных документах он очерчен лишь общими фразами, затрагивающими будущее молодого поколения. Решение проблемы сводится к тому, что во всех программных документах говорится о моделировании нового образа жизнеустройства, который объединил бы в себе все существующее многообразие норм, способствовал бы укреплению и развитию общечеловеческих идеалов и ценностей. На наш взгляд, общими лозунгами и декларацией некоторых положений на стратегическом уровне ограничиваться неправомерно.

Краткосрочные задачи, связанные с избирательным процессом, решаются политическими партиями на тактическом уровне. Таким образом, создается иллюзия участия политические партии в судьбе молодого поколения.

Следует отметить, что каждая политическая партия на определенном этапе своего развития отмечает значимость молодежной политики по-разному. По нашему мнению, чаще всего в истории новейшей России политические партии используют молодежь в целях политических технологий:

- молодежь как значительный электоральный потенциал;
- привлекательный образ молодежи как субъекта будущего;
- специфический характер политической мобилизации молодежи.

Политика партий в отношении молодежи состоит из двух взаимосвязанных элементов:

– программные положения, раскрывающие суть отношений той или иной партии к молодежи;

– организационные методы – способы претворения в жизнь этих программных положений.

Исходя из той или иной политической стратегии, принятой партией, можно говорить о месте, которое они отводят в своих программах проблемам молодого поколения и их решению. В соответствии с этим выделяются четыре основные стратегии в отношении молодежи:

- стратегия молодежного мессианства;
- стратегия социальной защиты;
- стратегия освобождения молодежи;
- стратегия политической педагогики.

Первый подход исходит из того, что молодежь объявляется локомотивом истории, теми новыми людьми, которые изменят этот мир. В русле этой стратегии выдвигается два варианта программных положений. Смысл первого варианта состоит в следующем: «У молодежи – мессианская роль, это самая энергичная и перспективная часть населения, «представители будущего в настоящем», которые лучше, чем нынешнее поколение, понимают, что нужно для них и для страны. Молодежь нуждается лишь в просторе для инициативы, и поэтому ей нужно просто уступить дорогу». Такой тезис разделяет большинство радикальных молодежных организаций различных идеологических направлений. Например, у центристов – это молодежная организация «Наши», члены, которой претендуют сменить нынешнее поколение властной элиты; среди либералов – «Пора» – российские последователи «оранжевой революции»; на левом политическом спектре – Национал-большевистская партия (НБП), представители которой проводят силовые акции по дестабилизации существующего правопорядка.

Смысл второго варианта стратегии молодежного мессианства состоит в том, что «молодежь – это наше завтра, поэтому ей необходимо дать возможность развить имеющиеся у нее возможности, в первую очередь – через совершенствование системы образования, создание оптимальных стартовых условий, поощрение инициативы, выдвижение ее представителей на ответственные должности и т.п.». Эта позиция разделяется политическими организациями различных идеологических направлений. В программах коммунистических, социал-патриотических и левоцентристских объединений акцент делается на необходимости равных стартовых условий для всех категорий молодежи.

Современной молодежи чужды подданническая культура и «советский элитизм», опирающийся на авторитет политической власти. Новый элитизм строится на демократической парадигме, информационной открытости, плюрализме мнений, равноправных партнерских отношениях между элитами и молодежным сообществом. Данная модель элитизма основывается на таких ценностях, как патриотизм, демократия, свобода слова, профессионализм, она ориентирована на

обновление элит, на процесс ее гражданского контроля и установление и поддержание равенства групп регионального сообщества.

Таким образом, новый элитизм не означает привилегированности тех или иных групп. В иерархической структуре ценностей молодого поколения нет места понятию «групповой успех», признаются лишь индивидуальные усилия и индивидуальные траектории на пути к цели. Нормой является перекладывание ответственности за общее дело и региональную ситуацию на элиту. Для молодых людей одобрение ценностей элиты означает желание быть управленцем, компетентным профессионалом, добиться большего по сравнению с другими, чтобы быть способным позаботиться о себе и остальных. Ценности элитизма обретают инструментальную направленность, они не связаны ни с общественным долгом, ни с чувством патриотизма. Поэтому элитарные предпочтения молодежи оцениваются сдержанно, чаще скептически.

В пятой главе – «Социокультурное обновление молодежной политики» – диссертантом раскрываются: социокультурный федерализм в сфере молодежной политики (§ 5.1), социокультурные технологии модернизации молодежной политики в условиях глобализации (§ 5.2).

Социокультурный федерализм является национально-политическим контекстом, позволяющим интегрироваться в единую полиэтническую материю различным социально-политическим группам или даже социально-политическим институтам. В социокультурном федерализме в полной мере реализуется диалектика сближения и дифференциации социально-политических общностей, основанных на неконфликтном разделительно-объединительном сосуществовании. В этой связи в рамках социокультурного федерализма может быть осуществлена концепция межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Социокультурный федерализм может быть применен в сфере молодежной политики. Учитывая, что федерализм консолидирует общество по различным социокультурным основаниям, необходимо использовать его потенциал для совершенствования самой концепции молодежной политики.

На наш взгляд, следует выделить основные принципы, на которых должен базироваться социокультурный федерализм в сфере молодежной политики.

Во-первых, это **принцип добровольчества**. Суть данного принципа видится в смещении вектора государственно-политических решений в области реализации молодежных проектов к практике посредством вовлечения представителей молодого поколения в общественно-полезную деятельность. На наш взгляд, наиболее действенным механизмом достижения поставленной задачи является развитие добровольчества (волонтерства) в федеративной России. Очевидно, что институционализация волонтерского движения в Российской Федерации позволит не только усилить роль молодежи как субъекта политики, но и повысить уровень политико-правовой культуры.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что потенциал добровольчества в Российской Федерации слабо используется и чаще всего приурочивается к проведению конкретных срочных мероприятий (как правило, спортивных). Вместе с тем, диапазон добро-

вольчества может быть более разнообразен: от благотворительности до общественно-политических структур при органах государственной власти.

В сегодняшней России такие дефиниции, как «добровольчество», «волонтерство», «добровольческая деятельность», чаще всего употребляются как тождественные. Более того, используются с некой привязкой к конкретной общественной некоммерческой организации и, к сожалению, не воспринимаются как государственно значимые социально-политические институты. Иначе говоря, в общественном сознании до сих пор сохраняется восприятие добровольчества как «бесплатной рабочей силы», что, естественно, не может позитивно сказываться на развитии волонтерского движения в стране.

В зависимости от отдельных характеристик занятости принято выделять следующие типы классификации волонтерской деятельности. По правовому статусу различают формальное и неформальное добровольчество: формальное волонтерство имеет место в том случае, если человек входит в состав какой-либо организации, неформальное – если волонтер занимается организацией своей деятельности самостоятельно, и между ним и благополучателем нет посредников.

По сфере занятости: самыми распространенными областями применения волонтерства являются: спорт и рекреация, социальные услуги, работа в дошкольных учреждениях и уход за детьми. Кроме того, волонтеры реализуют экологические, археологические, ремонтно-реставрационные, культурные проекты и т.д.

По продолжительности рабочего времени и частоте выполняемой работы можно выделить регулярное волонтерство, сезонное, периодическое и эпизодическое.

По географическому признаку добровольчество можно классифицировать как локальное (помощь местному сообществу), национальное (работа в рамках своей страны) и международное (проекты, объединяющие людей из разных стран).

Очевидно, что политическое состояние российского добровольчества в некоторой степени обусловлено концентрацией молодежи на личных проблемах, индивидуализацией сознания и образом жизни, когда личное участие переосмысливается с учетом собственных интересов (возможно, отчасти и меркантильных) и новых потребностей личности. И в этом нет ничего плохого.

Молодежный индивидуализм ассоциируется с такими качествами, как прагматизм, самостоятельность, нацеленность на личный успех. Данная характеристика вызвана возрастными особенностями молодых людей, спецификой ее социального положения в трансформирующемся обществе, переоценкой традиционных норм жизни и модификацией политических ценностей со стороны институтов гражданского общества и государства.

Второй принцип, на котором должен базироваться социокультурный федерализм в сфере молодежной политики, это **принцип инновационного традиционализма**,

закрывающийся в сохранении и укреплении традиционных ценностей среди молодежи, в том числе включающий патриотическое воспитание и образование.

Морально-этический фундамент и духовно-нравственные ценности должны образовывать стержневую основу молодежного сообщества. Все они имеют устойчивую национальную основу. В начале 90-х годов, когда был допущен исторический перекося с «парадом суверенитетов» и формирование единой нации в духе российского федерализма еще не рассматривалось как общегосударственная задача, а западные ценности свободно проникали в наше общество без первичного нравственного фильтра, широкое распространение получил социальный паттерн «от этнического – к общечеловеческому», при этом из данного оборота исключалась промежуточная российская константа. Однако современная российская действительность наглядно показала, что в наши дни «общечеловеческое» вовсе не является вершиной человеческого духа. Отсюда следует вывод: лучше сохранять и приумножать свое национальное богатство, чтобы оно имело общечеловеческое значение, а не соответствовало сиюминутным трендам, особенно в такой деликатной сфере, как молодежная политика.

Не вызывает сомнения, что неуклонное размывание отечественных традиций с потерей своего национального, федеративного «лица», подобное бездуховному манкуртизму с фальсификаторской подменой на «общечеловеческие ценности», сложившимся на Западе, как набору абстрактно трактуемых понятий, необходимо остановить. Следует активно противостоять диктату мягкого принуждения к принятию аморфных идейных деклараций, приводящих к серьезным политическим, социокультурным и педагогическим упущениям, тем более не вписывающихся в традиционную этнокультурную систему духовных координат. Наряду с существованием совершенно нормальных, природосообразных и естественных для среднестатистического человека морально-этических требований многие представления евро-атлантического человека о духовных идеалах вступают в явный конфликт с традиционной культурой народов Российской Федерации, которую в той или иной степени разделяет большинство россиян и отнюдь не собирается отправлять на задворки истории.

В настоящее время на политическом уровне имеется полное понимание необходимости реализации новой национально-культурной стратегии молодежной политики в сфере закрепления традиционных ценностей, обусловленной глобальными вызовами современности и внутренними реальными геополитическими и социальными интересами Российского государства:

- нравственная дезинтеграция и неустойчивый морально-этический климат практически среди всех слоев населения;
- низкий уровень доверия и социального партнерства между институтами гражданского общества;
- кризис преемственности поколений, социокультурных механизмов трансляции самобытных национальных традиций и культурно-исторического опыта;

- недостаточное преломление общегосударственной стратегии формирования гражданского, патриотического самосознания, единства российской нации на региональном и местных уровнях;

- правовые коллизии между коренным населением и трудовыми мигрантами, выходцами из кавказских регионов, с низким уровнем владения русским языком и потенциалом культурного ассимилирования, практическая неотработанность механизмов снятия социального напряжения, что неизбежно приводит к росту национализма, ксенофобии, усилению протестных настроений;

- снижение самооценности института семейно-брачных отношений среди молодежи, часто делающих «ставку» на свободные отношения.

Вместе с тем, очевидно, что традиционное воспитание и обучение молодежи даже в рамках образовательных учреждений должно проходить на основе инновационных технологий. Ибо недопустимо технологическое отставание российской молодежи от своих сверстников в других странах.

Сегодня как никогда нужны инновационные подходы к молодежной политике, креативный взгляд на решение молодежных проблем. Вопросы инновационного потенциала российской молодежи и в научно-исследовательской работе, и в официальных нормативно-правовых актах по молодежной проблематике представлены достаточно абстрактно и не имеют конкретного – социокультурных инструментов и механизмов реализации. Однако даже проработка вопросов инновационного потенциала молодежи не позволяет ответить на главные вопросы – кто должен разрабатывать инновационные парадигмы в молодежной сфере; на какой идейной платформе их разрабатывать вообще; насколько подобный инновационный потенциал способен реализоваться в действительности.

Совершенно очевидно, что инновационный потенциал молодежи способен раскрываться и прорабатываться не только на федеральных и региональных уровнях государственной политики, но и собственно на местах (локальном уровне). Это обусловлено тем, что молодежь, как наиболее активная и уязвимая социально-политическая группа, не только подвержена различного рода трансформациям, но и постоянно совершенствуется и развивается. Более того, когда говорят об инновационных технологиях работы с молодежью, первая ассоциация, которая возникает у большинства, как правило, связана с обучением или развитием (нами предлагается экспериментальная социокультурная модель управления молодежной политикой в вузе).

И, наконец, третий принцип социокультурного федерализма в сфере молодежной политики – **это принцип взаимной интеграции** – бесконфликтного межнационального и межэтнического взаимодействия в условиях глобализационных процессов.

Уже в самом принципе взаимной интеграции заложено равноправное политическое, экономическое и социокультурное взаимодействие представителей разных этнонациональных, этнических и этнокультурных молодежных общностей с учетом их уникальности и самобытности.

В современных условиях глобализации и межгосударственной конкуренции молодой человек должен быть не только технологически и инновационно образован, но и быть мобильным и коммуникабельным.

Эффективная деятельность в области конструирования молодежной среды, адекватной политическим процессам современного российского общества, предполагает сбалансированное применение комплекса национально-культурных технологических инструментов, которые, в зависимости от поставленной цели, могут применяться как отдельно, так и интегрированно, что позволяет достигать большего социально-политического эффекта:

– **технологии проектирования национально-политической / национально-культурной деятельности** как способ активной самоорганизации молодежи, формирования ее креативного «ядра», вокруг которого объединяется максимальное количество старшеклассников и студентов, готовых реализовать свой творческий и научный потенциал;

– **технологии культуроохранные** – с усилением этнокультурного компонента, они направлены на трансляцию традиционных самобытных форм духовной культуры, организацию историко-краеведческой и туристско-экскурсионной работы с участием студенческой молодежи;

– **технологии образовательные** – ориентированные на передачу обширного социально-культурного опыта, формирование интеллектуального и духовного человеческого капитала высокого качества, современных знаний и практических компетенций, стремления у молодежи к непрерывному саморазвитию, освоению новых профессиональных квалификаций;

– **технологии формирования гражданского правосознания** в молодежной среде, направленные на развитие у молодежи чувства социальной ответственности и гражданской позиции, снижение уровня протестного потенциала, профилактику экстремизма, способствующие укреплению российской государственности, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений;

– **социально-защитные, реабилитационные технологии**, предполагающие культурно-досуговое восстановление и социальную адаптацию молодежи с нарушениями жизнедеятельности, профилактику непонимания и конфликтов, исключение любого насилия в отношении несовершеннолетних;

– **добровольческие технологии**, позволяющие выстраивать преемственные линии традиций подростково-молодежных движений, широко распространенных в советский период, таких как тимуровцы, корчагинцы, коммунары с идеями современного добровольчества, связанные с дореволюционными устоями милосердия и благотворительности, то есть вовлечение большого количества молодежи в дело бескорыстного служения обществу;

– **технологии распространения устойчивых семейных ценностей**, ориентированные на формирование в сознании молодежи установок, предполагающих наследование традиционных представлений о семье, ее нравственных идеалах,

этнокультурных особенностях брачно-семейных отношений, целевых установок на создание многодетных семей как основы демографического подъема российского общества, профилактику и предупреждение насилия в семье;

– **технологии введения примирительных процедур в молодежной среде**, направленные на ее активную медиацию – создание системы доверительного разрешения конфликтных ситуаций открытым диалоговым способом, путем переговоров через службу примирения образовательного учреждения;

– **технологии форсайт-проекта** – прогнозирование будущего развития молодежи в отложенной перспективе с учетом потребностей и государственных интересов России и тенденций, происходящих в глобальном мире.

Полагаем, что настало время отойти от объектного понимания молодежи (молодежь как объект) к субъективным возможностям данной социально-политической группы. Молодежь – это не просто наиболее активная часть населения, склонная к радикальным преобразованиям и новшествам, но и, прежде всего, это «кирпич» современной молодежной политики.

Для становления, развития и социализации молодежи, как ответственного субъекта молодежной политики, необходимо ее качественное социокультурное преобразование, выраженное в названных выше трех основных принципах жизнедеятельности: систематическое приобщение к общественно-полезной деятельности (добровольчество), традиционное воспитание и инновационное образование молодежи в духе общегосударственной парадигмы с учетом ее региональных особенностей (инновационный традиционализм) и возможность мобильно интегрировать с представителями молодежных сообществ других этнических и национальных общностей (интеграция).

Сегодня нельзя недооценивать потенциал межгосударственной интеграции в реализации молодежной политики. С одной стороны, межгосударственные контакты способствуют обмену опытом, в том числе и в молодежной среде. С другой – способствуют интегрированию молодежного сообщества конкретной страны или региона в общемировую молодежную субкультуру, что особенно важно в условиях глобализационных трансформаций и изменений, когда необходимо, чтобы человек был мобильным. И это как нельзя лучше вписывается в принцип бесконфликтной интеграции.

Первое социокультурное направление – институционализация детского парламентаризма на субфедеральном, федеральном и международном уровнях.

В федеративной России феномен детского парламентаризма развит слабо. Дети являются потенциальными субъектами молодежной политики, однако их социально-политический потенциал в полной мере не раскрыт в связи с объективными возрастными особенностями. Становление детских парламентских организаций, без сомнения, позитивно скажется на общем состоянии российской молодежной политики.

Удачным примером институционализации детского парламентаризма является проект, разработанный Башкирским институтом социальных технологий (филиалом) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений», – «Детская общественная правовая палата Ресурсного научно-образовательного центра ЮНЕСКО БИСТ при Комитете Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО».

Второе приоритетное социокультурное направление – институционализация примирительных технологий в молодежной среде и их апробация на муниципальном, региональном, федеральном и международном уровнях.

Под примирительными технологиями нами понимается совокупность действий, направленных на создание технологических конструкций многоконтурных модулей альтернативных форм разрешения конфликтов в молодежной среде – образовательных, в том числе электронных, социокультурных, многофункциональных. Результаты деятельности этих модулей могут быть использованы для достижения урегулирования споров, направленных на устранение противоречий между сторонами на основе диспозитивности (инициативы сторон) как вне государственной судебной системы, так и внутри нее.

Российское общество еще не обладает достаточной компетентностью в сфере медиации – ее возможностях, практических способах и перспективах ее распространения. Современной молодежи легче пойти на открытый конфликт, нежели разрешить его мирным способом путем доверительных переговоров. Взрослые – учителя и преподаватели, социальные педагоги, организаторы воспитательного движения – утрачивают контроль или возможности диалога с ребятами. Во многом это обусловлено отсутствием соответствующих структур в самих учебных заведениях, то есть служб, уполномоченных заниматься примирением противоборствующих сторон, что, в свою очередь, приводит к росту числа насилия, конфликтов, криминальности в молодежной среде, проявлению асоциальных симптомов 90-х годов – разборок, «стрелок» и др. Наш опыт использования примирительных технологий в молодежной среде, в которой конфликтные ситуации достаточно широко распространены, свидетельствует о позитивных изменениях в социальном настроении молодых людей. Участники конфликта начинают разрешать его самостоятельно на основе открытых переговоров без волевого директивного принуждения к какому-либо варианту решения проблемы.

Мы полагаем, что для преодоления противоречий в молодежной среде должны быть сформированы соответствующие примирительные службы. В Башкирском институте социальных технологий таковой является Агентство примирительных технологий, миссия которого – внедрение на основе научных исследований примирительных процедур для разрешения правовых и неправовых конфликтов, а также профилактика социально-политической напряженности, содействие государству в аутсорсинге в сфере регулирования указанных молодежных отношений. Образовательная служба примирения – это объединенная команда педагогов и учащихся/студентов, которая осуществляет процесс

воспитания и социализации на основе информационной коммуникации и диалога, исходит из аксиологической позиции – ценностей справедливости и ответственности, гражданской культуры, формирует возможности увидеть в своем сверстнике лучшие личностные качества, избавиться от заблуждений и ложных стереотипов.

Третье социокультурное направление на субфедеральном уровне – углубление молодежных инициатив в сферу деятельности межгосударственных организаций (ШОС, БРИКС, ЕС и т.д.).

Данное направление можно продемонстрировать на примере реализации проекта «Молодежная инициатива – стратегии международного сотрудничества стран – участников ШОС и БРИКС».

Предлагаемый научный проект инициирован Ассоциацией молодых ученых, Студенческим НИИ и Ресурсным научно-образовательным центром ЮНЕСКО Башкирского института социальных технологий в целях популяризации идей сотрудничества стран – участников ШОС и БРИКС. Его актуальность связана, прежде всего, с необходимостью привлечения молодежного ресурса к проведению в Российской Федерации очередного заседания Совета глав государств-членов ШОС в 2014 году и встречи глав государств и правительств БРИКС в 2015 году.

Участники проекта – представители стран ШОС (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика):

- молодые ученые;
- молодежные органы и организации;
- центры народной дипломатии;
- иные заинтересованные субъекты.

Проект ставит своей целью создание научной дискуссионной площадки для обсуждения возможностей участия молодежи в реализации основных направлений взаимодействия стран-участников на основе выработанных ШОС и БРИКС подходов к сотрудничеству.

Исходя из этого, в задачи проекта входит создание и развитие научной дискуссионной площадки с участием представителей стран – участников ШОС и БРИКС: молодых ученых, государственных органов и общественных организаций, молодежи.

Ожидаемые результаты реализации проекта:

- установление конструктивного научного, образовательного и межкультурного диалога между молодежью государств-участников, что позволит сблизить народы государств;
- повышение авторитета и информационной узнаваемости Республики Башкортостан и России в целом в международном сообществе;
- активизация молодежного сотрудничества, направленного на укрепление межкультурного диалога;

– долгосрочное эффективное сотрудничество, ориентированное на развитие интеллектуального капитала, обладающего большим потенциалом социально-экономической активности, выступающим вектором положительной динамики любой экономики.

Четвертое социокультурное направление на субфедеральном уровне – институционализация Евразийского молодежного парламента. Следует отметить, что на сегодняшний момент уже имеются наднациональные молодежные парламенты (например, Европейский молодежный парламент при ЕС).

Представляется своевременным и актуальным формирование Евразийского молодежного парламента, тем более что определенные предпосылки для этого уже имеются.

Евразийский молодежный парламент решено создать на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» как площадке, где успешно реализуются технологии, направленные на формирование политически грамотной и активной личности. И это будет совершенно новый социокультурный субъект реализации молодежной политики в федеративной России, который позволит не только учитывать опыт евразийских стран в исследуемой проблематике, но и даст возможность осветить на международной арене весь региональный колорит нашего государства.

Очевидно, что сегодня необходимы дальнейшие разработки в области исследования социокультурного фактора и его роли в развитии молодежной политики в федеративной России.

В Заключении сформулированы общие итоги исследования и обобщены выводы и предложения. В Российской Федерации проблемы, связанные с модернизацией молодежной политики, с каждым днем приобретают все более злободневную окраску и активно обсуждаются на федеральном, субфедеральном и местном уровнях. Сегодня становится очевидным, что действующие субъекты молодежной политики, как государственные, так и общественные, не справляются в полной мере с целями и задачами, продиктованными временем. До настоящего времени продолжается поиск концептуальных форм, технологий и инструментариев эффективной реализации молодежной политики, отражающих адекватные современным вызовам глобализации.

Вместе с тем, социокультурные технологии и инструментарии, к сожалению, не оцениваются серьезно ни органами государственной власти и муниципалитета, ни институтами гражданского общества. И скорее носят сугубо «культурологический», «цивилизационный» характер, нежели собственно политический. В то же время недооценка социокультурного измерения молодежной политики создает преграды в усвоении ценностных ориентиров современной молодежи (патриотизма, добровольчества, гражданственности), которая и так после «крушения» прежней политической системы оказалась в некой «идеологической» прострации.

Более того, не стоит забывать, что современный политический ландшафт России в духе российского федерализма является для молодежи обширным полигоном для ее социокультурной, этнонациональной самореализации. Социокультурный выбор современной российской молодежи не может быть однородным, предсказуемым и измеряемым привычными политическими или экономическими критериями. Он не зависит от партийной ранжированности и может не совпадать с идейно-политическими воззрениями, поскольку является обусловленным рядом объективно сложившихся поликультурных факторов и интересов, преломляющихся через жизнедеятельность молодежи. И этого не стоит забывать при реализации молодежной политики.

Отказ от социокультурных инструментариев и технологий в условиях глобализации создает реальные угрозы патриотическому воспитанию российской молодежи, формированию общенациональных идеалов и ценностей, превращая ее в «серую массу» и ужесточая межэтнические и межнациональные конфликты в молодежной среде. Глобализация без социокультурного стержня государственности способна «растворить» ценностную базу молодежи. Вместе с тем, глобализация способна расширить горизонты для взаимной информационной коммуникации, сближения культур, их диалога.

Поскольку Россия – государство федеративное, естественно, что нынешнее обсуждение проблем молодежной политики постоянно перекликается с дискуссиями о будущем отечественного федерализма. В каком направлении пойдет развитие Российской Федерации? – таков главный вопрос, вокруг которого не спадает активность общественно-политической дискуссии, хотя имеет место и снижение уровня и масштабов его обсуждения. Масштабные преобразования в сфере государственного строительства придают вопросам молодежной политики не только теоретический, но и политико-практический интерес судьбоносного для страны значения, повышая тем самым актуальность научных исследований по данной крупной и существенной для страны и российского общества проблеме.

Вместе с тем, тенденции развития современного политического процесса в последние годы (2010 – 2013 гг.), связанные с попыткой либерализации партийной системы Российской Федерации и возвращения института выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации могут изменить сложившуюся модель федеративных отношений в современной России, в пользу регионов.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

I. Монографии:

1. Нигматуллина, Т.А. Государственная молодежная политика в Федеративной России: инновационные парадигмы / Т.А. Нигматуллина. – Уфа: РИО БИСТ, 2012. – 10,02 п.л.
2. Нигматуллина, Т.А. Социально-политические технологии возрождения семьи в современных условиях: этно-национальный срез / Т.А. Нигматуллина. – М.: Этносоциум, 2013. – 8,6 п.л.
3. Нигматуллина, Т.А. Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект / Т.А. Нигматуллина. – М.: Нота Бене, 2013. – 14,99 п.л.

II. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах:

1. Нигматуллина, Т.А. Национальная политика России: субфедеральный уровень / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 2 (44). – 0,4 п.л.
2. Нигматуллина, Т.А. Социально-политические особенности протестного поведения российской молодежи / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 5. – 0,4 п.л.
3. Нигматуллина, Т.А. Приоритетные направления государственной молодежной политики в федеративной России: политологический анализ / Т.А. Нигматуллина // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 4. – 0,5 п.л.
4. Нигматуллина, Т.А. Трансформация института семьи в современном мире: мировые и российские тенденции / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 6. – 0,8 п.л.
5. Нигматуллина Т.А. Занятость российских волонтеров как приоритетное направление государственной молодежной политики / Т.А. Нигматуллина // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 7. – 0,7 п.л.
6. Нигматуллина Т.А. Общественно-политическая активность молодежи: региональный аспект/ Т.А. Нигматуллина // Регионология. – 2013. – № 3. – 0,5 п.л.
7. Нигматуллина, Т.А. Реализация государственной молодежной политики в современной России и критерии ее эффективности / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 6. – 0,5 п.л.

8. Нигматуллина, Т.А. Кадровое обеспечение в сфере государственной молодежной политики / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 7.– 0,7 п.л.
9. Нигматуллина, Т.А. Волонтерское движение в условиях социальных и политических трансформаций / Т.А. Нигматуллина // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 5.– 0,7 п.л.
10. Нигматуллина Т.А. Детская общественная правовая палата как инновационный кадровый ресурс современной России / Т.А. Нигматуллина // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 9.– 0,6 п.л.
11. Нигматуллина, Т.А. Социальная стратификация молодежи как политологическая проблема / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 7.– 0,4 п.л.
12. Нигматуллина, Т.А. Институализация государственной молодежной политики: евразийский и азиатский срез / Т.А. Нигматуллина // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10.– 0,5 п.л.
13. Нигматуллина, Т.А. «Герои нашего времени» в реализации современной российской молодежной политики / Т.А. Нигматуллина // Вестник Казанского университета культуры и искусства. – 2013. – № 3.– 0,4 п.л.
14. Нигматуллина, Т.А. Политические настроения молодежи: региональный аспект / Т.А. Нигматуллина // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 8. – 0,5 п.л.
15. Нигматуллина, Т.А. Молодежная субкультура в российской политике / Т.А. Нигматуллина // Глобальный научный потенциал. – 2013. – № 8. – 0,4 п.л.
16. Нигматуллина, Т.А. Политологический мониторинг добровольческой активности молодежи в современной России / Т.А. Нигматуллина // Наука и бизнес. Пути развития. – 2013. – № 8.– 0,4 п.л.
17. Нигматуллина, Т.А. Политические настроения российской молодежи как индикаторы демократии / Т.А. Нигматуллина // Перспективы науки. – 2013. – № 8.– 0,4 п.л.
18. Нигматуллина, Т.А. Вклад молодежных инноваций в модернизацию сферы жилищно-коммунального хозяйства / Нигматуллина Т.А. // Вестник Аксор. – 2013. – № 3– 0,8 п.л.
19. Нигматуллина, Т.А. Развитие волонтерского движения как часть молодежной политики России: социокультурный анализ /Т.А. Нигматуллина, Р.В. Кадыров // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – № 16. – 0,7 п.л. (авторство не разделено)

III. Иные публикации:

20. Нигматуллина, Т.А. От инновационной деятельности к современным технологиям / Т.А. Нигматуллина, Р.В. Кунакова, И.Т. Фархиева, И.Г. Савельева // Формирование механизма экономического роста в РФ и РБ в координатах мирового развития: мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. – Уфа: УГИС, 2004. – 0,3 п.л. (авторский объем – 0,1 п.л.).
21. Нигматуллина, Т.А. Социально-психологические проблемы процесса адаптации студентов к условиям высшей школы / Т.А. Нигматуллина, С.Д. Галиуллина // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: мат-ы Всероссийской науч.-методич. конф. – Уфа: УГИС, 2004. – 0,2 п.л. (авторский объем – 0,1 п.л.).
22. Нигматуллина, Т.А. Эффективность и повышение качества образовательного процесса через самостоятельную работу студентов / Т.А. Нигматуллина, Л.В. Охотникова, Г.М. Абдюкова // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: мат-лы Всероссийской науч.-методич. конф. – Уфа: УГИС, 2004. – 0,3 п.л. (авторский объем – 0,1 п.л.).
23. Нигматуллина, Т.А. Городское самоуправление и реформа системы образования в современной России / Т.А. Нигматуллина // Инновации и наукоемкие технологии в образовании и экономике: мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. Уфа, 25–26 мая 2007 года. – Уфа-Оренбург, 2007. – 0,2 п.л.
24. Нигматуллина, Т.А. К вопросу об экономической основе городского самоуправления / Т.А. Нигматуллина // Конкурентоспособность региона: факторы и стратегии управления: мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. Уфа, 28–29 мая 2007 года. – Уфа, 2007. – 0,4 п.л.
25. Нигматуллина, Т.А. Социальный мониторинг и социальный аудит деятельности органов местного самоуправления: задачи, проблемы, перспективы / Т.А. Нигматуллина // Актуальные проблемы связей с общественностью муниципальной власти в период реформирования системы местного самоуправления: сб. мат-лов Всероссийской науч.-практич. конф. – Уфа, 2008. – 0,4 п.л.
26. Нигматуллина, Т.А. Современные требования к подготовке специалиста: опыт и практика Башкирского института социальных технологий / Т.А. Нигматуллина // Креативное образование – потребность современного рынка труда: мат-лы Международной конф. 13–14 ноября 2008 года. – Уфа: БИСТ, 2009. – 0,5 п.л.
27. Нигматуллина, Т.А. Деловое общение: принципы, нормы, этикет / Т.А. Нигматуллина, Р.Я. Вельц, О.В. Галимова [и др.]. – Уфа: РИО БИСТ, 2009. – 22,8 п.л. (авторский объем – 6,2 п.л.). Имеет гриф Министерства образования Республики Башкортостан.

28. Нигматуллина, Т.А. Политическая история России второй половины 80-х гг. XX в. – начала XXI в.: Учебно-методический комплекс / Т.А. Нигматуллина. – Уфа: РИО БИСТ, 2009. – 2 п.л.
29. Нигматуллина, Т.А. Социальный аудит и социальный мониторинг как технологии повышения имиджа бизнеса / Т.А. Нигматуллина // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Общественные науки. – 2009. – № 1. – 0,5 п.л.
30. Нигматуллина, Т.А. Национальная политика как компонент развития гражданского общества: опыт Республики Башкортостан // Т.А. Нигматуллина / Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Общественные науки. – 2009. – № 4. – 0,7 п.л.
31. Нигматуллина, Т.А. Историческое значение победы над фашизмом во второй мировой войне / Т.А. Нигматуллина // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Экономика. – 2010. – № 1 (5). – 0,5 п.л.
32. Нигматуллина, Т.А. Россия во второй половине 80-х гг. XX в. – начале XXI в.: страницы политической истории / Т.А. Нигматуллина. – Уфа: РИО БИСТ, 2010. – 8,7 п.л.
33. Нигматуллина, Т.А. Образовательная среда Республики Башкортостан в контексте мирового юнесковского движения / Т.А. Нигматуллина, У.З. Юмагузин. – Уфа: Мир печати, 2010. – 8,7 п.л. (авторский объем – 6 п.л.).
34. Нигматуллина, Т.А. Формирование гражданственности молодежи: проблемы и пути их решения / Т.А. Нигматуллина // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Общественные науки. – 2010. – № 3 (7). – 0,5 п.л.
35. Нигматуллина, Т.А. Профсоюзный вуз: проблемы подготовки социально ответственного специалиста / Т.А. Нигматуллина // Современное профсоюзное движение: уроки истории и взгляд в будущее: мат-лы Международной науч.-практич. конф. – М.: Издательский дом «АТиСО», 2010. – 0,4 п.л.
36. Нигматуллина, Т.А. Развитие трудовых правоотношений в Российской Федерации: историко-правовые факторы / Т.А. Нигматуллина, С.Р. Парфенова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Юриспруденция. – 2011. – № 4 (12). – 0,6 п.л. (авторский объем – 0,3 п.л.).
37. Нигматуллина, Т.А. Социокультурная модернизация образовательного и информационно-коммуникационного пространства Республики Башкортостан // Т.А. Нигматуллина // ИКТ и качество образования: Ассоциированные школы ЮНЕСКО на пути к школе будущего: мат-лы Международной конф. ЮНЕСКО ММО и Ассоциированных школ ЮНЕСКО. Казань, 26–

- 27 апреля 2011 года. – Казань: Издательский центр Университета управления «ТИСБИ», 2011 г. – 0,5 п.л.
38. Нигматуллина, Т.А. История государственного управления в России: Древняя Русь – Правление Петра I / Т.А. Нигматуллина, Н.А. Исмагилов. – Уфа: РИО БИСТ, 2011. – 12,6 п.л. (авторский объем – 6 п.л.).
 39. Нигматуллина, Т.А. История государственного управления в России: Российская империя и февральская революция 1917 года / Т.А. Нигматуллина, Н.А. Исмагилов. – Уфа: РИО БИСТ, 2011. – 13,6 п.л. (авторский объем – 7,2 п.л.).
 40. Нигматуллина, Т.А. Политологическое образование в российских регионах: стратегические просчеты / Т.А. Нигматуллина // Взаимодействие власти и общественно-политических сил как основа развития местного самоуправления: мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. Ярославль, 29–30 сентября 2011 года. – Ярославль, 2011. – 0,4 п.л.
 41. Нигматуллина, Т.А. Социальный аудит как индикатор развития социального государства и гражданского общества в современной России // Т.А. Нигматуллина // Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии: Коллективная монография. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2012. – 47 п.л. (авторский объем – 0,5 п.л.).
 42. Нигматуллина, Т.А. Реализация идей ЮНЕСКО в сетевом взаимодействии «школа – вуз» / Т.А. Нигматуллина // Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 2. – 0,4 п.л.
 43. Нигматуллина, Т.А. Российские вузы как субъекты молодежной политики / Нигматуллина Т.А. // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Юриспруденция. – 2012. – № 4 (16). – 0,5 п.л.
 44. Нигматуллина, Т.А. Civil identity of youth in modern Russia / Т.А. Нигматуллина // European Science and Technology: materials of the international research and practice conference, Vol. 1. – Wiesbaden, May 9th–10th, 2012. – Wiesbaden, Germany, 2012. – 0,6 п.л.
 45. Нигматуллина, Т.А. Some questions of regulation international relations in social development (by the example of the Republic of Bashkortostan) / Т.А. Нигматуллина // European Science and Technology: materials of the international research and practice conference, Vol. 1. – Wiesbaden, May 9th–10th, 2012. – Wiesbaden, Germany, 2012. – 0,6 п.л.
 46. Нигматуллина, Т.А. Роль профсоюзного вуза в формировании гражданской компетенции молодежи / Т.А. Нигматуллина // Роль региональных профсоюзов в политико-правовом пространстве России: мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. с международным участием. 24 апреля 2012 года. – Уфа: БИСТ, 2012. – 1 п.л.
 47. Нигматуллина, Т.А. Информатизация образовательной среды как одно из важнейших условий модернизации образования / Т.А. Нигматуллина // Прикладная информатика в информационно-коммуникационном про-

- странстве: мат-лы Всероссийской науч.-практич.й конф. с международным участием. Уфа, 3 сентября 2012 года. Уфа: БИСТ, 2012. – 0,4 п.л.
48. Нигматуллина, Т.А. История государственного управления в России: Советская Россия – Советский Союз – Российская Федерация / Т.А. Нигматуллина, Н.А. Исмагилов. – Уфа: РИО БИСТ, 2012. – 14,8 п.л. (авторский объем – 7 п.л.).
 49. Нигматуллина, Т.А. Участие образовательного учреждения ВПО в реформировании системы жилищно-коммунального хозяйства / Т.А. Нигматуллина // Инвестиции в молодежь – стабильное будущее: сборник научных статей Молодежного саммита городов-миллионников. Уфа, 29–30 ноября 2012 г. – Уфа: Банкос-медиа, 2012. – 0,5 п.л.
 50. Нигматуллина, Т.А. Технологии развития социокультурного сознания молодежи в информационном образовательном пространстве / Т.А. Нигматуллина // Совершенствование механизмов взаимодействия Ассоциированных школ, кафедр ЮНЕСКО и Центров ЮНЕВОК в интересах устойчивого развития: проблемы, проекты, перспективы: сб. мат-лов Международной конф. Ассоциированных школ ЮНЕСКО, УНИТВИН/Кафедр ЮНЕСКО и Центров ЮНЕСКО/ЮНЕВОК. – Казань, 13–14 мая 2013г. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2013. – 0,6 п.л.
 51. Нигматуллина, Т.А. Центр ЮНЕСКО-ЮНЕВОК Башкирского института социальных технологий: миссия, цели, основные направления деятельности / Т.А. Нигматуллина // Совершенствование механизмов взаимодействия Ассоциированных школ, кафедр ЮНЕСКО и Центров ЮНЕВОК в интересах устойчивого развития: проблемы, проекты, перспективы: сборник материалов Международной конференции Ассоциированных школ ЮНЕСКО, УНИТВИН/Кафедр ЮНЕСКО и Центров ЮНЕСКО/ЮНЕВОК. – Казань, 13–14 мая 2013 г. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2013. – 0,4 п.л.
 52. Нигматуллина, Т.А. Социокультурное измерение молодежной политики в условиях глобальных политических трансформаций / Т.А. Нигматуллина // Вопросы политологии. – 2013. – № 2. – 0,8 п.л.
 53. Нигматуллина, Т.А. Формирование потенциала молодежи в новой системе социокультурных координат / Т.А. Нигматуллина // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2. – 0,3 п.л.
 54. Нигматуллина, Т.А. Зарубежный и отечественный опыт институализации государственной молодежной политики: поиск оптимумов / Т.А. Нигматуллина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2. – 0,4 п.л.
 55. Нигматуллина, Т.А. Политическая активизация молодежи в условиях российского федерализма / Т.А. Нигматуллина // Вопросы политологии. – 2013. – № 3. – 0,6 п.л.

56. Нигматуллина, Т.А. Патриотическое воспитание молодежи в системе государственной политики: идеологическое многообразие // Т.А. Нигматуллина // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 3. – 0,6 п.л.
57. Нигматуллина, Т.А. Технология добровольчества как инструмент социализации молодежи / Т.А. Нигматуллина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 3. – 0,7 п.л.
58. Нигматуллина, Т.А. Социальные технологии как инструмент управления человеческим ресурсом / Т.А. Нигматуллина // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Сер. Общественные науки. – 2013. – № 1 (17). – 0,5 п.л.

Общий объем опубликованных работ – 102,01 п.л.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Тема диссертационного исследования:

**«Молодежная политика в условиях российского
федерализма: региональный аспект»**

Научный консультант:

доктор политических наук, доцент
Михайлова Наталья Вячеславовна

Изготовление оригинала макета:
Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Подписано в печать 06.11.2013.
Тираж 100 экз. Заказ № 50

Отпечатано в типографии БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО»
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2